

УИЛЪЯМ
ВОРДСВОРТ

ПРЕЛЮДИЯ

1805

Издание подготовили
А.Н. ГОРБУНОВ, Е.В. ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА,
ТАТЬЯНА СТАМОВА

Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
«Наука»
Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Серия основана академиком *С.И. Вавиловым*

М.Л. Андреев, В.Е. Багно (заместитель председателя),
В.И. Васильев, А.Н. Горбунов, Р.Ю. Данилевский, Б.Ф. Егоров
(заместитель председателя), *Н.Н. Казанский, Н.В. Корниенко*
(заместитель председателя), *А.Б. Куделин* (председатель),
А.В. Лавров, А.М. Молдован, С.И. Николаев, Ю.С. Осипов,
М.А. Островский, Ю.А. Рыжов, И.М. Стеблин-Каменский,
Е.В. Халтрин-Халтурина (ученый секретарь),
К.А. Чекалов

Ответственный редактор
А.Н. Горбунов

ИЗДАНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ПЕЧАТИ И МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ
В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ
«КУЛЬТУРА РОССИИ (2012—2018 ГОДЫ)»

© Татьяна Стамова. Перевод, 2017.

© Переводы см. Содержание, 2017.

© А.Н. Горбунов. Статьи, 2017.

© Е.В. Халтрин-Халтурина. Состав, статьи, примечания 2017.

© Научно-издательский центр «Ладомир», 2017.

© Российская академия наук и издательство «Наука»,
серия «Литературные памятники» (разработка,
оформление), 1948 (год основания), 2017.

ISBN 978-5-86218-549-2

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания
любым способом без договора с издательством запрещается*

доводы в пользу того, что, осуществив поставленную мною цель, можно создать новый вид поэзии, которая будет поэзией истинной, способной вызвать непреходящий интерес всего человечества и в равной степени важной во всём многообразии и значительности затронутых в ней нравственных проблем.

Прочитав вышесказанное и проанализировав наши стихотворения, Читатель без труда сможет уяснить смысл поставленной мною цели. Он сможет решить, в какой мере удалось ее осуществить и, что гораздо более важно, стоило ли вообще к ней стремиться; от решения этих двух вопросов и будет зависеть, оправдается ли моя надежда на успех стихотворений у широкого читателя.

ДОПОЛНЕНИЕ К «ПРЕДИСЛОВИЮ»

Поскольку, наверное, у меня нет права ожидать, что Читатель Предисловия к книге Стихотворений внимательно прочтет его, а без этого смысл того, что я сказал в «Предисловии» в столь несовершенной форме, не будет полностью понят, мне хочется внятно объяснить значение, в котором я употребляю выражение *поэтический слог*; и с этой целью я здесь добавляю несколько слов о происхождении понятия, которое я осудил, воспользовавшись этой фразой. В глубокой древности Поэты всех народов обычно писали, вдохновляясь страстью, внушенной реальными событиями; они писали просто и мужественно: благодаря сильным чувствам их язык был смелым и метафоричным. В более поздние времена Поэты и люди, стремящиеся к поэтической славе, находясь под влиянием такого языка и стараясь достичь тех же результатов, но не имея столь же сильных чувств, стали механически заимствовать такие фигуры речи и употреблять их иногда к месту, но гораздо чаще по отношению к чувствам и мыслям, с которыми у них не было никакой непосредственной связи. Так незаметно возник язык, который существенно отличался от реального языка людей в любой ситуации. Чита-

тель или Слушатель этого искаженного языка оказался в необычном, выведенном из привычной колеи душевном состоянии; когда его поражал истинный язык чувств, он тоже ощущал себя в необычном, выведенном из привычной колеи душевном состоянии. В обоих случаях он стремился усьпить свои обычные суждения и разум, и у него не было твердого и безошибочного ощущения истинного, чтобы он мог отвергнуть ложное; одно служило охранной грамотой для другого. Возбуждение и запутанность мысли в обоих случаях доставляли удовольствие, и неудивительно, что читатели смешивали их и думали, что и то и другое порождены одними и теми же или сходными причинами. Кроме того, Поэт говорил с ними от лица человека, стоящего выше них, наделенного гением и авторитетом. Поэтому и по множеству других причин такой искаженный язык принимали с восхищением; и вполне вероятно, что Поэты, ранее по большей части довольствовавшиеся тем, что не к месту употребляли выражения, которые когда-то были продиктованы подлинной страстью, еще больше усилили злоупотребление слов и пользовались фразами, сочиненными как будто бы в духе истинного языка страсти, но на самом деле придуманными ими самими и отличающимися разной степенью произвольных отклонений от здравого смысла и природы.

Не подлежит сомнению, что язык древних Поэтов существенно отличался от обычного языка, потому что являлся языком, порожденным чрезвычайными обстоятельствами; но на нем действительно говорили, он был языком, который Поэт сам употреблял, когда находился под воздействием описываемых им событий, или языком, на котором изъяснялись окружающие его люди. Вероятно, этот язык на ранней стадии стал сочетаться с тем или иным размером. Это еще больше отделило язык истинной Поэзии от обычной жизни, так что все, кто читал или слышал стихи древних Поэтов, были тронуты совсем не так, как в обычной жизни, и по совершенно иным причинам, чем в обычной жизни. Это стало великим искушением, которое повлекло за собой все возникшие позже искажения. Поддавшись этому чувству, Поэты более позднего времени придумали слог, который имел только одно общее свойство с языком истинной поэзии, — им не пользовались в повседневно-

ном общении, он был непривычен. Но древние Поэты, как я сказал, говорили на языке, который хотя и был непривычным, но всё же являлся языком обычных людей. Их последователи пренебрегли этим обстоятельством; они обнаружили, что могут доставить удовольствие более легким способом. Они возгордились языком, который изобрели сами и на котором сами изъяснялись и в духе братских отношений присвоили его себе как свою собственность. С течением времени размер стал символом и обещанием этого необычного языка, и всякий, кто брал на себя обязательство сочинять с помощью поэтического размера и был наделен той или иной степенью таланта, вводил в свои сочинения то или иное количество этого фальсифицированного слога; а истинное и ложное оказались настолько неразрывно переплетены, что вкус читателей постепенно исказился; и этот язык стал восприниматься как естественный; и в конце концов благодаря влиянию книг до известной степени стал таковым. Подобные злоупотребления передавались от одного народа другому, и по мере внедрения утонченного вкуса этот слог с каждым днем всё больше искажался, скрывая от глаз естественную простоту природы с помощью пестрого маскарада трюков, причудливостей, иероглифов и загадок.

Было бы очень интересно разобраться в причинах удовольствия, которое доставляет этот нелепый и абсурдный слог, но здесь для этого нет места; удовольствие зависит от великого множества причин, но, пожалуй, больше всего от создаваемого им впечатления оригинальности и величия фигуры Поэта и от потакания себялюбию Читателя путем приближения его к лучшему пониманию этой фигуры; результат, который достигается с помощью нарушения привычного образа мысли, что помогает Читателю приблизиться к тому возбужденному и смутному душевному состоянию, не достигнув которого он почтет себя лишенным особого удовольствия, которое поэзия может и должна доставить ему.

Сонет Грея, который я процитировал в «Предисловии», за исключением выделенных строк, в основном представляет собой образец такого слога, хотя и не в худшем его варианте; и, на самом деле, с моей точки зрения, слог этот слишком часто присущ самым лучшим писателям, как старым, так и новым. Возможно, лучшим примером для Чи-

тателя того, что я называю поэтическим слогом, будет сравнение между стихотворными переложениями отрывков из Ветхого и Нового Заветов и этими же отрывками в существующих переводах Библии. Смотрите «Мессию» Поупа целиком, «Украшали ли сладчайшие звуки мой плавно льющийся язык?» Прайора в сравнении с «Если я говорю языками человеческими и ангельскими...» (1 Кор. 13). В качестве наглядного примера прочтите следующее стихотворение Доктора Джонсона:

Бездельник, посмотри, как Муравей
 Разумный трудится, и будь мудрей;
 Ведь ни увещеванье, ни приказ
 Его не заставляют всякий раз
 Спешить, чтоб своевременно поймать
 Июльских дней приход и благодать,
 Когда он собирает урожай,
 Молотит и зерно везет в сарай.
 Как долго будешь ленью ты влеком,
 И силою слабея, и умом?
 В то время как, прохладой окружен,
 Ты на кушетке мягкой видишь сон,
 Что чары приглушенные несет,
 Без паузы летит за годом год,
 И вот непроходимая Нужда
 Тебя, как враг, захватит навсегда*.

От этого хаоса слов перейдем к оригиналу: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою. Доколе ты, ленивец, будешь спать? когда встанешь от сна твоего? Немного поспишь, немного подремлешь, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник» (Притч. 6: 6–11).

* Пер. А.В. Лукьянова.

Еще один пример, и я закончу. Стихи Купера, якобы написанные Александром Селкирком:

Religion! what treasure untold
 Resides in that heavenly word!
 More precious than silver and gold,
 Or all that this earth can afford.
 But the sound of the church-going bell
 These valleys and rocks never heard,
 Ne'er sighed at the sound of a knell,
 Or smiled when a sabbath appeared.
 Ye winds, that have made me your sport
 Convey to this desolate shore
 Some cordial endearing report
 Of a land I must visit no more.
 My Friends, do they now and then send
 A wish or a thought after me?
 O tell me I yet have a friend,
 Though a friend I am never to see.

Религия! Редкостный клад
 Се горнее слово хранит!
 Ценнее он злата стократ,
 Всего, что земля нам родит.
 Увы, богомольный наш звон
 Не слышали скалы и дол,
 Не плача на звук похорон,
 Не рады, что Отдых пришел.
 Вы, ветры, играли со мной,
 Теперь передайте привет
 Пустынному берегу с волной,
 Земле, где меня больше нет.
 Друзья (может, вам недосуг)
 За мной подадите ль сигнал?
 Ведь есть у меня всё же друг,
 Хотя я его не видал*.

Я процитировал этот отрывок в качестве примера трех разных стилей письма. Первые четыре строки мало удались; некоторые критики называли бы такой слог языком прозы; но на самом деле это была бы плохая проза, настолько плохая, что она едва ли не хуже стиха. Определение «регулярно ходящий в церковь» (church-going), примененное к колоколу, и у такого строгого к себе писателя, как Купер, служит примером тех странных злоупотреблений, которые Поэты настолько внедрились в свой слог, что они сами и их Читатели воспринимают их как нечто само собой разумеющееся, если даже не выделяют их как предмет восхищения. Две строки «Не плача на звук похорон...», на мой взгляд, являются примером языка чувств, вне надлежащего контекста, и только потому, что это стихи (метрическое произведение), употребленные применительно к ситуации, которую обычно описывают прозе.

* Пер. А.В. Лукьянова.

У меня много нареканий к этому отрывку, хотя, возможно, лишь немногие Читатели согласятся со мной. Последняя строфа целиком прекрасно написана; она была бы одинаково хороша как в прозе, так и в стихах, но Читатель получает особое удовольствие от такого простого языка, непринужденно сочетающегося с поэтическим размером. Красота этой строфы склонила меня добавить здесь **суждение, которое должно служить основанием системы**, отдельные части которой были столь несовершенно изложены в «Предисловии» — а именно: **чем важнее мысли и чувства, будь то проза или поэзия, тем важнее их выразить одним общим языком.**